

Счастливая семья: кросс-культурный анализ представлений российской и монгольской молодежи

Жаргалсайханы Оюунсүрэн^{a, @, ID}; Виктор В. Ермолаев^b

^a Университет гуманитарных наук, 14200, Монголия, г. Улан-Батор, пл. Сухэ-Батора, 20

^b Московский педагогический государственный университет, 119992, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1

@ oyunsuren.j@humanities.mn

ID <https://orcid.org/0000-0001-7815-1122>

Поступила в редакцию 08.10.2019. Принята к печати 19.11.2019.

Аннотация: Приводятся данные эмпирического исследования представлений российской и монгольской молодежи о счастливой семье. Выборку исследования составили 120 человек в возрасте 18–30 лет, постоянно проживающие на территории России и Монголии. Полученные результаты были подвергнуты факторному и кластерному анализу. Статистический и качественный анализ данных показал, что в целом обе группы достаточно конкретны, позитивны, сходны в отрицании существования конфликтов в счастливой семье. В то же время полученные результаты указывают на наличие этнических и гендерных особенностей представлений российской и монгольской молодежи относительно понятия *счастливая семья*. Представления российской и монгольской молодежи о своей будущей семье отличаются относительно примеров для подражания в ее построении. У монгольской молодежи счастливая семья, как правило, ассоциируется с понятиями *многодетная семья* и *родительская семья*. Примерами для построения *счастливой семьи* для российской молодежи практически в равной степени являются семьи популярных в СМИ и художественной литературе людей, родительская семья и семьи друзей. *Счастливая семья* воспринимается российскими девушками преимущественно как *малодетная семья*, в то время как для российских юношей *счастливая семья* – это *многодетная семья*. Полученные результаты дают основания сделать вывод о том, что институт семьи в Монголии имеет более традиционный характер, что отражается в представлении молодежи как о семье, так и о счастливом семейном укладе. Монгольская молодежь берет в пример семьи своих родителей, в то время как русская молодежь в большей мере стремится подражать кумирам СМИ.

Ключевые слова: будущая семья, нормальная семья, представления о счастливой семье, счастье, родительская семья

Для цитирования: Оюунсүрэн Ж., Ермолаев В. В. Счастливая семья: кросс-культурный анализ представлений российской и монгольской молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 989–997. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-989-997>

Введение

В настоящее время в науке отмечается рост социально-психологических исследований, направленных на изучение базовых компонентов переживания счастья. Традиционно счастье рассматривается как совокупность положительных эмоциональных состояний человека в различных жизненных ситуациях¹ [1–3] и в контексте его психологического благополучия: способности жить и работать с удовольствием, заниматься любимым делом, быть причастным к общему делу, любить и радоваться счастью других [4–6]. Среди условий психологического благополучия человека семья, по данным отечественных и зарубежных исследований, всегда занимает одно из приоритетных мест² [2; 7–10].

Вместе с тем представления о семейном счастье – одна из самых неоднозначных и сложных проблем в социальной психологии, хотя *идеальная семья* подразумевает

переживание именно этого состояния ее членами. Нерешенной проблемой является и определение тех социальных условий, характера целей, гендерных норм, социальных действий и достижений, способствующих достижению семейного счастья [2; 6; 8; 10–13]. Примечательно, что несмотря на приоритетное стремление современной молодежи к малодетности в семьях ради финансового благополучия и карьеры, данные научных исследований свидетельствуют о слабой связи семейного счастья с богатством, высоким социальным и профессиональным статусом членов семьи. В экономически развитых странах качество жизни и материального благополучия в семьях постоянно растет, но все больше семей чувствуют себя несчастными. Так, указывая среди наиболее важных для счастья сфер жизни «семейные отношения, финансовую ситуацию, работу, общество и друзей, здоровье», член британской палаты

¹ Леонтьев Д. А. Психология счастья // YouTube. 16.09.2016. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=d7gmuDTIE-U&feature=youtu.be> (дата обращения: 12.08.2019).

² Там же.

лордов Р. Лэйард отмечает, что: «По мере того, как западные общества делаются богаче, люди в них не становятся счастливее... При этом средний доход вырос более чем вдвое. Этот парадокс одинаково верен для США, Великобритании и Японии» [9, с. 15]. Исследователь феномена счастья и преподаватель Гарвардского университета Т. Бен-Шахар пишет: «Деньги и слава вторичны по отношению к счастью и не обладают никакой самостоятельной ценностью» [1, с. 84].

В современном мире стремительно набирает силу процесс изменения семьи как социального института, вплоть до тенденций к его разрушению в некоторых странах. Трансформируется содержание таких понятий, как нормальная семья, аномальная семья, родительская семья, счастливая семья. Кардинально изменяются эталоны нравственной гендерной нормы в семейной жизни, определяющие ее критерии *хорошо и плохо, счастья и несчастья*; нивелируются традиционные семейные ценности: верность, любовь, уважение родителей, святость материнства и продолжения рода; порицается многодетность и традиционные гендерные роли в семье; в СМИ поощряется создание однополых или трансгендерных семей, которые уже стали абсолютной нормой и получили привилегированное положение в некоторых европейских странах. Примечательно, что 50 лет назад эта тенденция четко прослеживалась лишь в странах Западной Европы и США, где, набирая силу с 60-х гг. XX в., проявлялась сначала в переходе от расширенных к нуклеарным семьям, снижении количества заключенных браков и количества детей в семье, увеличении количества разводов, массовом распространении феномена незарегистрированных (гражданских) браков и проживания врозь, но в браке [2; 4; 6; 14].

Сегодня выраженные признаки этой тенденции, ранее характерные только для стран Запада, в полной мере наблюдаются как в России, так и в Монголии. По данным статистики у двух соседских стран, объединяемых ранее сильными консервативными семейными традициями, четко видны признаки деформации института семьи: падение рождаемости, рост количества разводов и социальной приемлемости гражданских браков, рост количества неполных семей, воспитывающих детей (матерей-одиночек), значительное повышение возраста вступления в первый брак³ [15–17].

Современные российские и зарубежные социально-психологические исследования представлений о семье в той или иной степени охватывают практически все возможные аспекты этой проблемы [2; 6–10; 13; 18]. При этом более детально семья исследована с точки зрения некой нормы и отклонений от нее, как правило, в рамках дихотомии

аномальная – нормальная семья [2; 6; 18; 19]. Однако, гораздо менее изученными, но более важными в контексте реализации человеком субъективных представлений о счастье остаются его представления о счастливой семье и составляющих ее факторах. К тому же каждый человек, собирающийся создать семью, представляет ее себе не просто нормальной, или более того – аномальной, а рассматривает как уникально счастливую – идеальную семью, где счастье является ориентиром ее построения и представляется для членов семьи эталонным состоянием, достойным стремления к нему. Поэтому в наблюдаемом движении с Запада на Восток процесса девальвации представлений о счастливой семье расширение шкалы представлений о семье – *аномальная – нормальная – идеальная (счастливая) семья* – приобретает особую важность и задает новое «социокультурное основание для исследований, обусловленное различием культур разных эпох, народов и стран» в эпоху глубоких социальных преобразований [8, с. 12].

Таким образом, данная социально-психологическая проблема и определила выбор направления нашего кросс-культурного исследования. Опираясь на концепцию социальных представлений С. Московичи о центральном ядре и периферической системе социальных представлений [20–22], мы предположили, что существуют различия в представлении о счастливой семье у представителей монгольской и российской молодежи. Цель нашего исследования – изучить особенности представлений о счастливой семье российской и монгольской молодежи.

Организация и методы исследования

Выборку исследования составили 120 человек в возрасте 18–30 лет, постоянно проживающие на территории России и Монголии. Из них 30 российских девушек и 30 российских юношей, 30 монгольских девушек и 30 монгольских юношей.

Для проведения исследования были использованы следующие методы и методики:

1. Семантический дифференциал Ч. Осгуда с перечнем прилагательных определений, которыми можно охарактеризовать типы семьи [23, с. 94]. Семантический дифференциал в количественном виде фиксирует уникальность значения определенного объекта для испытуемого, которое он приобретает в результате своего индивидуального жизненного опыта. Испытуемому предъявляется набор биполярных шкал, каждая из которых образована парой прилагательных-антонимов. Результаты, полученные с помощью семантического дифференциала, были обработаны

³ «Монголын гэр бүлийн асуудал, хэрэгцээ, үйлчилгээний хувилбар» судалгааны тайлан. Улаанбаатар хот: Гэр бүл, хүүхэд, залуучуудын хөгжлийн газар, 2018. (Исследовательский отчет «Проблемы и потребности семей в Монголии, варианты оказания помощи». Улан-Батор: Центр развития семьи, детей и молодежи, 2018); Монгол улс дахь гэр бүл төлөвлөлтийн чанарын судалгаа. Судалгааны үр дүнгийн тайлан. Улаанбаатар: Монгол улсын засгийн газар, Эрүүл мэндийн яам, 2016. 64 хууд. (Квалификационное исследование по планированию семьи в Монголии. Улан-Батор: Правительство Монголии, Министерство здравоохранения, 2016. 64 с.); Эрх, гэр бүлийн байдал. Улаанбаатар: Үндэсний статистикийн хороо, 2010. 135 хууд. (Семья и семейное положение. Улан-Батор: Национальная служба статистики, 2010. 135 с.); 21-р зууны Монгол гэр бүл эрдэм шинжилгээний бага хурлын эмхтгэл. Улаанбаатар: Гэр бүл, Хүүхэд, Залуучуудын Хөгжлийн газар, Дэлхийн Зөн Монгол олон улсын байгууллага, Нийгмийн бодлогын судалгааны хүрээлэн, 2018. (Сборник монгольской научной конференции монгольской семьи XXI века. Улан-Батор: Центр развития семьи, детей и молодежи, Международные организации World Vision Mongolia, Институт исследований социальной политики, 2018); "Гэр бүлийн харилцааны өнөөгийн байдал" суурь судалгаа. Улаанбаатар: Нийгмийн Хамгаалал, Хөдөлмөрийн Яам, ЮНИСЕФ, Гал Голомт Үндэсний Хөдөлгөөн, 2004. (Базовое исследование «Текущая ситуация в семейных отношениях». Улан-Батор: Министерство социального обеспечения и труда, ЮНИСЕФ, Национальное движение Гал Голомт, 2004).

нами факторным анализом SPSS21, позволившим выделить группу переменных, определяющих корреляционную взаимосвязь между типами семьи:

- счастливая семья,
- родительская семья,
- моя будущая семья,
- брак по расчету,
- вынужденный брак,
- брак на основе взаимной любви,
- бездетная семья,
- многодетная семья (3 и более детей),
- малодетная семья (1 ребенок).

2. Методика анкетирования с фиксированным выбором ответов.

3. Методика «Незаконченные предложения» Сакса-Леви, модифицированная для выявления представления о счастливой семье [24].

Результаты

На *первом этапе* эмпирического исследования с целью исследования представлений российской и монгольской молодежи о счастливой семье мы провели семантический дифференциал Ч. Осгуда. Мы полагали, что результаты исследования, полученные при помощи метода незаконченных предложений, несут в себе, прежде всего, содержательную наполненность, поэтому метод семантического дифференциала дает нам возможность изучить эмоциональную окраску этих представлений. Результаты, полученные с помощью семантического дифференциала, были обработаны факторным анализом, позволившим выделить группу переменных, определяющих корреляционную взаимосвязь между признаками, в нашем случае – между типами семьи. Все результаты представлены в виде точечных диаграмм.

Факторный анализ полученных данных с помощью семантического дифференциала типов семьи позволил выделить два компонента факторных нагрузок в представлении о семье российских девушек (рис. 1). На диаграмме факторных нагрузок переменных видно, что, по мнению российских девушек, понятия *приятный*, *красивый*, *жаркий* являются близкими между собой. В свою очередь, понятия *пассивный*, *темный*, *слабый*, *жестокый* являются близкими между собой, что обуславливает четкую поляризацию двух понятий. Далее мы произвели корреляционный анализ взаимосвязи между типами семьи в сознании респондентов, получили факторные оценки компонентов (рис. 2). В сознании российских девушек понятие *счастливая семья* находится в непосредственной семантической близости, практически ассоциируясь, с понятиями *моя будущая семья*, *брак на основе любви*, *малодетная семья*, группа, включающая в себя эти типы семей, воспринимается как более *приятная*, *красивая* и *жаркая*. *Родительская семья* находится близко с понятием *многодетная семья*, группа, включающая эти две типы семей, воспринимается русскими девушками как более *большая*, *возбужденная* и *толстая*. В сознании

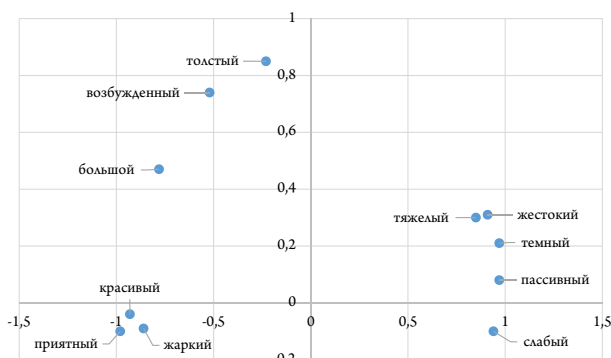

Рис. 1. Факторные нагрузки переменных (российские девушки)

Fig. 1. Factor loading of variables in Russian young women

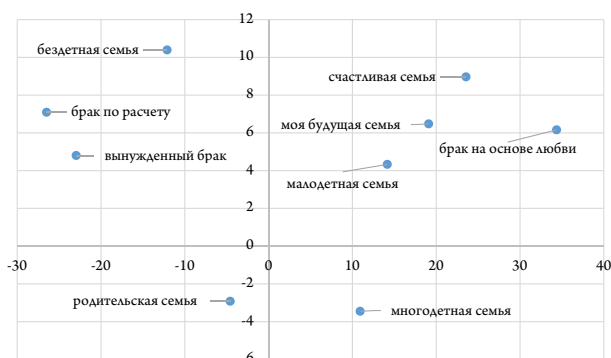

Рис. 2. Факторные оценки типов семьи (российские девушки)

Fig. 2. Factor scoring of family types in Russian young women

респондентов негативный оттенок восприятия как *пассивный*, *темный*, *слабый*, *тяжелый* и *жестокый* имеет типы семьи *брак по расчету*, *вынужденный брак*, *бездетная семья*.

В сознании российских юношей понятия *приятный*, *сильный*, *легкий*, *возбужденный* являются близкими понятиями первого фактора. Понятиями второго фактора являются такие переменные, как *темный*, *жестокый*, *тонкий*, *медленный* и *пассивный*, которые являются близкими понятиями при определении типов семьи. Также понятия *приятный* и *большой* находятся достаточно близко в сознании российских юношей (рис. 3). *Счастливая семья* находится рядом с *многодетной семьей*, воспринимаясь юношами как *большая* и *красивая*, *приятная*, *возбужденная*, *сильная*, *легкая*. Респонденты негативно представляют *брак по расчету* и *вынужденный брак* в понятиях *темный*, *жестокый*, *тонкий* и *медленный*. Смешение в представлениях многодетности, малодетности, бездетности, своей будущей семьи и родительской семьи свидетельствует о размытости, фрагментарности, отсутствии четких представлений о счастливой семье в сознании российских юношей (рис. 4).

В сознании монгольских девушек мы видим две факторные нагрузки. Понятия *приятный*, *красивый*, *большой* являются близкими понятиями первого фактора. Во второй фактор входят такие понятия, как *пассивный*, *темный*, *слабый*, *жестокый*, что обуславливает четкую поляризацию первого

и второго факторов (рис. 5). Счастливая семья находится рядом с такими типами семьи, как *моя будущая семья*, *брак на основе любви*, *многодетная семья*, *родительская семья*. Эти семьи воспринимаются респондентами понятиями *приятный*, *красивый*, *большой*. *Вынужденный брак* находится рядом с *бездетной семьей* и воспринимается как *пассивный*, *темный*, *слабый* и *жестокий*. Тяжелыми и медленными респондентами воспринимаются *брак по расчету* и *малодетная семья* (рис. 6).

По мнению монгольских юношей понятия *красивый*, *жаркий*, *приятный* являются близкими понятиями первого

фактора. Понятия *пассивный*, *темный*, *слабый*, *жестокий*, *тяжелый*, *медленный* являются близкими понятиями второго фактора, что обуславливают четкую поляризацию первого и второго факторов (рис. 7). В представлении монгольских юношей *счастливая семья* находится близко с понятиями *моя будущая семья*, *брак на основе любви*, *многодетная семья*, воспринимаясь респондентами как *красивая*, *большая*, *жаркая* и *приятная*. *Бездетная семья* и *вынужденный брак* находятся близко и воспринимаются негативно – как *тяжелые*, *жесткие*, *медленные* (рис. 8).

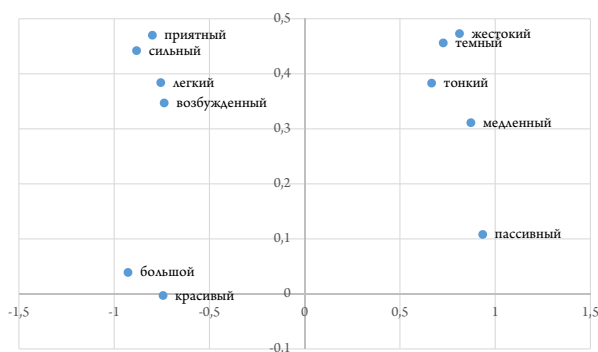

Рис. 3. Факторные нагрузки переменных (русские юноши)
Fig. 3. Factor loading of variables in Russian young men

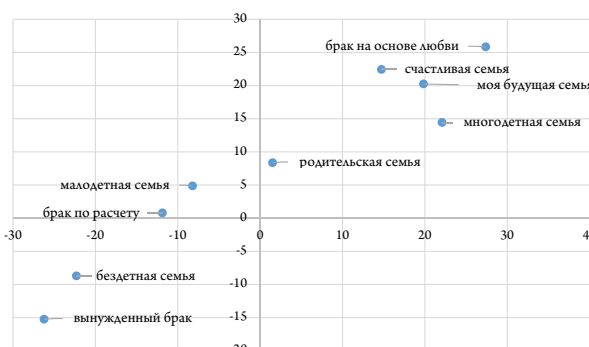

Рис. 6. Факторные оценки типов семьи (монгольские девушки)
Fig. 6. Factor scoring of family types in Mongolian young women

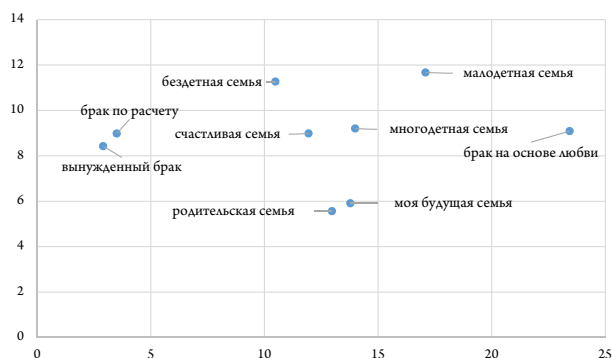

Рис. 4. Факторные оценки типов семьи (русские юноши)
Fig. 4. Factor scoring of family types in Russian young men

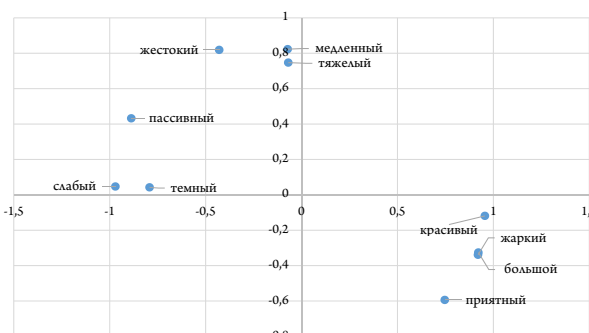

Рис. 7. Факторные нагрузки переменных (монгольские юноши)
Fig. 7. Factor loading of variables in Mongolian young men

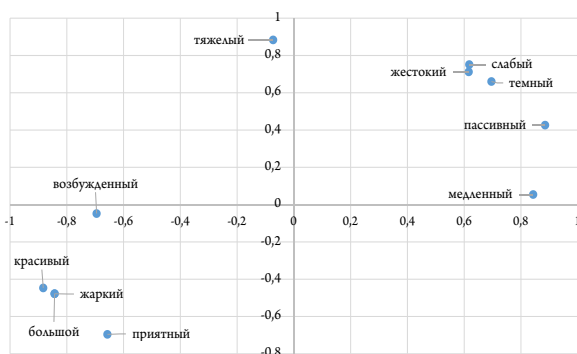

Рис. 5. Факторные нагрузки переменных (монгольские девушки)
Fig. 5. Factor loading of variables in Mongolian young women

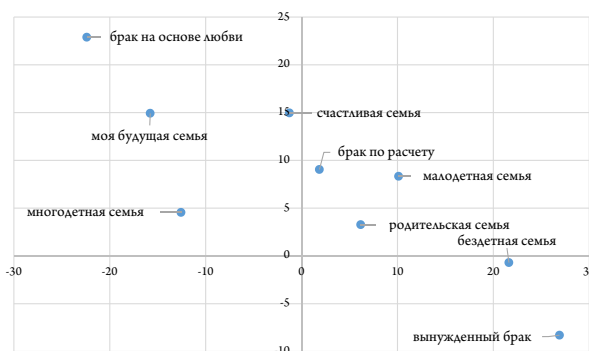

Рис. 8. Факторные оценки типов семьи (монгольские юноши)
Fig. 8. Factor scoring of family types in Mongolian young men

Таким образом, с помощью факторного анализа представлений о семье четырех групп респондентов мы выявили этнические и гендерные особенности относительно понятия *счастливая семья*. Для российских девушек она ассоциируется с понятиями *моя будущая семья, брак на основе любви, малодетная семья* и воспринимается как *приятная*. В то же время для российских девушек *родительская семья* ассоциируется с *многодетной семьей*. Для российских юношей *многодетная семья* воспринимается как *счастливая семья*, более четко дифференцированное представление выявлено не было в силу их размытости. Тем самым мы наблюдаем диссонанс в представлении о счастливой семье у российских юношей и девушек относительно количества детей в их будущих семьях.

В сознании монгольских девушек *счастливая семья* ассоциируется с понятиями *моя будущая семья, брак на основе любви* и, в отличие от российских девушек, с *многодетной семьей* и *родительской*. Монгольские девушки, в отличие от российских, *малодетную семью* ассоциируют с *браком по расчету* и воспринимают эти понятия как *тяжелые*. Монгольские юноши, так же как и монгольские девушки, *счастливую семью* ассоциируют с *многодетной семьей, браком на основе любви* и с представлением *моя будущая семья*, воспринимая ее как *приятную, большую*.

На *втором этапе* исследования представлений российской и монгольской молодежи о счастливой семье мы применили авторскую анкету с фиксированными выборами. Процентное соотношение ответов монгольской и российской молодежи представлено в табл. 1. Выявлено, что примером для построения семьи у монгольской молодежи преимущественно является *родительская семья*, а примером для построения у российской молодежи в большей мере является *художественная литература* и *фильмы*.

Полученные данные свидетельствуют о том, что традиционная российская семья испытывает гораздо большее воздействие со стороны СМИ и оказывается более размытой, теряющей родовые корни. Для монгольской молодежи до настоящего времени более важна *родительская семья* и ее пример. И только для одной трети российской молодежи примером счастливой семьи является *родительская семья*. Референтная группа относительно примеров счастливой семьи у российской молодежи значительно сдвинута в сторону подражания знакомым людям, различным медиа- и художественным персонажам, что в совокупности представляет больше половины примеров для подражания.

На вопрос «Какую Вы готовы создать семью?» российские и монгольские юноши и девушки ответили без исключения, что готовы создать только традиционную семью, в то же время в группе респондентов российских девушек 14 % выбрали другие варианты ответа – однополую, транссексуальную, полигамную. Возможно, этот результат свидетельствует о нарастающем влиянии СМИ на пересмотр российскими девушками своей половой идентификации и представлений о ролях при взаимодействии полов в семье.

Табл. 1. Примеры счастливой семьи у российской и монгольской молодежи, %

Tab. 1. Role models of a happy family among Russian and Mongolian youth, %

Пример счастливой семьи	Российская молодежь	Монгольская молодежь
Семья родителей	34	81
Семья знакомых и друзей	17	12
Художественная литература	37	7
Семья популярного человека	12	–

На вопрос анкеты о том, «Сколько детей должно быть в счастливой семье?», русские респонденты в основном указали, что счастливой российской семье представляется им *малодетной*. Представление монгольской молодежи о количестве детей в счастливой семье резко отличается от российской молодежи в сторону увеличения (табл. 2).

Табл. 2. Представление молодежи о количестве детей в семье, %

Tab. 2. Opinion on the number of children in a family, %

Количество детей в семье	Российская молодежь	Монгольская молодежь
1	10	–
2	40	10
3	20	25
4 и больше	8	31
на усмотрение родителей	8	9
счастье не в количестве	14	9
как можно больше	–	16

На следующем этапе результаты, полученные с помощью методики «Незаконченные предложения», были подвергнуты кластерному анализу, в результате которого мы сформировали 14 кластеров (табл. 3–5).

Данные завершения предложения «В счастливой семье нет...» позволили нам сформировать четыре кластера и выявить, что у обеих групп респондентов наблюдаются идеализирующие утверждения, а именно: в счастливой семье нет конфликтов, ссор, ругани, недопонимания и недоверия. В то же время российскую молодежь волнуют вопросы насилия в семье и супружеская неверность. Монгольская молодежь относится к проблеме супружеской неверности более терпимо, их более волнует вопрос деструктивного отношения, холодной атмосферы, ненависти, враждебности в семье.

Ответы на незаконченное предложение «Для создания семьи необходимо и достаточно...» также привели к созданию четырех кластеров (табл. 4).

Первый кластер – взаимные чувства, взаимная любовь, взаимоуважение – оказался более важным для создания семьи у российской молодежи и почти в два раза превышает

показатели этого фактора у монгольской молодежи. Второй кластер – финансовая обеспеченность, материальное благо, наличие квартиры, хорошая работа – как необходимое и достаточное условие для создания счастливой семьи больше рассматривается монгольской молодежью. Также крепкое надежное отношение является более важным фактором создания семьи для четверти монгольской молодежи, в то время как российская молодежь придает этому меньшее значение. Четвертый кластер – личность партнера – для двух групп респондентов является важным фактором, выделяя важность зрелости и опыта жизни. При этом главным препятствием при создании семьи все четыре группы респондентов назвали отсутствие финансовой самостоятельности, любви и партнера. В группе российских девушек в качестве дополнительного препятствия в создании семьи была обозначена неуверенность в партнере.

Данные продолжения незаконченного предложения «Семья распадается, когда ...» позволили нам сформировать шесть кластеров, представленных в табл. 5. Более пристального внимания заслуживают данные некоторых кластеров. Так, расхождение интересов в обеих группах в первом кластере описывается как разделение целей, интересов, мнений, идеологии супругов, отсутствие смысла совместной жизни. Второй кластер – недопонимание в отношении супругов – описывался респондентами как ситуации, когда люди не слышат друг друга, не могут найти общий язык, много ссор, отсутствие общения, и рассматривается российской и монгольской молодежью как весомая причина распада семьи. Ответы, связанные с эмоциональным дискомфортом в супружестве, когда больше нет взаимных чувств, наступает разочарование, гаснет душевная связь, разлюбили друг друга, мы объединили в третий кластер – угасание чувств. Примечательно, что эти причины рассматриваются причиной распада семьи для большинства российской молодежи и только для незначительной части монгольской молодежи. Такие качества личности, как ревность, нетерпимость, эгоизм, а также вредные привычки, алкоголизм как фактор распада семьи, характерны для ответов только монгольской молодежи.

Для выявления представления о желательных и нежелательных личностных качествах супругов при создании счастливой семьи мы попросили респондентов завершить два предложения: «Обязательными качествами для создания счастливой семьи для мужчины / для женщины являются ...»; «Назовите личностные качества, которыми не должен/а обладать ваш муж / жена ...». Российские девушки называли значительно чаще среди качеств, более желательных для мужчин, такие качества, как верность, честность, преданность; ответственность, надежность, сильный характер, мужество; а среди нежелательных – эгоизм, нечестность, лживость, грубость. Среди качеств, которыми не должен обладать их муж, у монгольских девушек преобладали ревность, изменщик, вспыльчивость, в то время как среди необходимых для создания счастливой семьи указывались любовь, забота, терпимость,

Табл. 3. Кластеры ответов на незаконченное предложение «В счастливой семье нет...», %

Tab. 3. Response clusters to the sentence completion task

"In a happy family, there is/are no...", %

Кластер	Российская молодежь	Монгольская молодежь
Нет грубости и насилия, криков, неуважения	39	26
Нет конфликтов	28	41
Нет супружеской неверности	28	17
Нет деструктивного отношения	5	16

Табл. 4. Кластеры ответов на незаконченное предложение «Для создания семьи необходимо и достаточно...», %

Tab. 4. Response clusters to the sentence completion task

"To create a family, it is necessary and enough to...", %

Кластер	Российская молодежь	Монгольская молодежь
Взаимные чувства	39	19
Финансовая обеспеченность	32	40
Крепкое надежное отношение	9	23
Личность партнера	20	18

Табл. 5. Кластеры ответов на незаконченное предложение «Семья распадается, когда ...», %

Tab. 5. Response clusters to the sentence completion task

"The family breaks up when...", %

Кластер	Российская молодежь	Монгольская молодежь
Расхождение интересов	38	23
Недопонимание в отношении супругов	23	18
Угасание чувств	19	6
Обман и предательство	18	22
Нетерпимые личные качества	3	21
Вредные привычки, алкоголизм	–	10

уравновешенность, верность, честность. Представления о необходимых качествах женщин для создания счастливой семьи у российских и монгольских юношей практически совпали: верность, честность, преданность, любовь, забота, чувственность, ответственность, доброта. Однако среди нежелательных качеств женщин для создания семьи русские юноши отметили эгоизм, высокомерие, истеричность, меркантильность. В то время как монгольские – неискренность, лживость, эгоизм, грубость и неуважение к мужу.

Таким образом, мы можем констатировать различие представлений о счастливой семье у российской и монгольской молодежи, особенно относительно примеров для построения семьи, а также ориентаций на желательное количество детей в будущем. Вместе с тем для российской молодежи более важна поддержка семьи, ощущение благополучия семейной жизни, приоритетно выражаемой в поддержке друг друга, любви и гармонии, в полном неприятии грубости и насилия. Основной причиной распада семьи в представлениях российской молодежи является расхождение интересов супругов. В отличие от этой позиции, монгольскую молодежь больше волнует не возникновение взаимных чувств, а материально-финансовый вопрос – наличие жилья, высокой заработной платы, отсутствие чрезмерной ревности супругов друг к другу, факты измен и обмана.

Заключение

Представления российской и монгольской молодежи о семье отличаются относительно примеров для подражания

в ее построении. Монгольская молодежь берет в качестве примера родительскую семью, в то время как российская молодежь в основном опирается на примеры из СМИ. Выявлены выраженные отличия относительно планируемого количества детей в семье: российская молодежь более ориентирована на малодетную семью, монгольская молодежь ориентирована на многодетную семью. Выявлены этнические и гендерные особенности относительно понятия *счастливая семья*: для российских девушек счастливая семья ассоциируется с такими понятиями, как *моя будущая семья, брак на основе любви, малодетная семья*. В то же время для российских юношей *многодетная семья* воспринимается как *счастливая семья*. В сознании монгольских девушек *счастливая семья* ассоциируется с понятиями *моя будущая семья, брак на основе любви, многодетная семья и родительская семья*. Монгольские юноши, так же как и монгольские девушки, *счастливую семью* ассоциируют с понятиями *многодетная семья, брак на основе любви* и представлением *моя будущая семья*.

Литература

1. Бен-Шахар Т. Научиться быть счастливым. Мн.: Белорусский дом печати, 2009. 240 с.
2. Целуйко В. М. Психология современной семьи. М.: ВЛАДОС, 2004. 129 с.
3. Diener E., Emmons R. A., Larsen R., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale // Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49. № 1. P. 1105–1117. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13
4. Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 271 с.
5. Джидарьян И. А. Представление о счастье в Российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001. 53 с.
6. Шнейдер А. Б. Семья. Оглядываясь вперед. СПб.: Питер, 2013. 368 с.
7. Докучаева С. О. Влияние родительской семьи на построение супружеской семьи в следующем поколении // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 41–45.
8. Дружинин В. Н. Психология семьи. 3-е изд. СПб.: Питер, 2006. 176 с.
9. Лэйард Р. Счастье: уроки новой науки. М.: Институт Гайдара, 2012. 203 с.
10. Kukubayeva A. Kh., Kudryavtseva Y. A. Age and value orientations // European researcher. Series A. 2013. № 3-1. P. 638–644.
11. Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / отв. ред. К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова. М.: ИП РАН, 1997. С. 7–37.
12. Авдулова Т. П. Тенденции социализации подростков в контексте информационных предпочтений // Психологические исследования. 2011. № 6. Режим доступа: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011-n-620/573-avdulova20.html> (дата обращения: 12.08.2019).
13. Воронцова Ю., Ермолаев В. В. Представления «поколения Z» о своей будущей семье (на примере литовских старшеклассников) // Психолог. 2016. № 1. С. 1–12. DOI: 10.7256/2409-8701.2016.1.16664
14. Трофимова Ю. В. Общепсихологический подход к изучению семьи // Сибирская психология сегодня. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. Вып. 2. С. 93–104.
15. Намжил Т. Гэр бүл: Орчин үеийн асуудлууд. Уланбаатар, 2005. XI дэвтэр.
16. Оюунсүрэн Ж. Аз жаргалтай гэр бүлийн тухай монгол залуучуудын төсөөлөл // Социологи. 2019. № 12. Хууд. 130–134.
17. Оюун-Эрдэнэ Б. Монгол гэр бүлийн бүтэц хэв маяг, харилцааны онцлог, тулгамдаж буй асуудал // Proceedings of the Mongolian Academy of Sciences. 2012. Vol. 52. № 3. P. 37–49.
18. Карпова В. М., Филиппова Е. В. Представления о родительской и будущей семье в подростковом и юношеском возрасте // Психологическая наука и образование. 2013. № 4. С. 84–96.
19. Маленова А. Ю., Самойленкова А. В. Представления о брачно-семейных отношениях студенческой молодежи: социально-психологические риски и ресурсы // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2014. № 1. С. 43–51.
20. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.
21. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 3–14.

22. Moscovici S. On Social representations // *Social cognition: Perspectives on everyday understanding* / ed. by H. J. Forgas. L., 1981, P. 181–209.
23. Социальная психология. Практикум / под ред. Т. В. Фоломеевой М: Аспект Пресс, 2009. 480 с.
24. Пахомов А. П. Методика «Незаконченные предложения» Сакса-Леви как учебное пособие // *Экспериментальная психология*. 2012. Т. 5. № 4. С. 99–116.

Happy Family Representation: a Cross-Cultural Analysis of Russian and Mongolian Youth

Jargalsaikhan Oyunsuren^{a, @, ID}; Viktor V. Yermolaev^b

^a University of the Humanities, 20, Sukhbaatar Sq., Ulaanbaatar, Mongolia, 14200

^b Moscow Pedagogical State University, 1, Malaya Pirogovskaya St., Moscow, Russia, 119992

@ oyunsuren.j@humanities.mn

ID <https://orcid.org/0000-0001-7815-1122>

Received 08.10.2019. Accepted 19.11.2019.

Abstract: This paper presents an empirical study of representations of Russian and Mongolian youth about a happy family. The research featured 120 young Russian and Mongolian people (age: 18–30). The results were obtained using Charles Osgood's semantic differential method, Sacks and Levy's sentence completion test, and various questionnaires. Factorial, cluster, and qualitative analyses were used to process the results. The study revealed some ethnic and gender differences regarding the concept of "happy family". Russian and Mongolian youth appear to follow different ideal models. For Mongolian youth, a happy family was a "large family" and "parental family". For Russian women, a happy family was one with few children, while for Russian men demonstrated opposite views. Therefore, in contrast to Mongolia, the family institution in Russia is developing modern ideas about a happy family life. Mongolian youth use their parents' family as a model to follow, while Russian young people follow the role models promoted by the media. However, the romantic ideas about marriage were quite similar in both groups.

Keywords: future family, normal family, representation of a happy family, happiness, parental family

For citation: Oyunsuren J., Yermolaev V. V. Happy Family Representation: a Cross-Cultural Analysis of Russian and Mongolian Youth. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 989–997. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-989-997>

References

1. Ben-Shahar T. *Happier. Learn the secrets to daily joy and lasting fulfillment*. Minsk: Belorusskii dom pechati, 2009, 240. (In Russ.)
2. Tseluyko V. M. *Psychology of the modern family*. Moscow: VLADOS, 2004, 129. (In Russ.)
3. Diener E., Emmons R. A., Larsen R., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 1985, 49(1): 1105–1117. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13
4. Argyle M. *The Psychology of happiness*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2003, 271. (In Russ.)
5. Djidaryan I. A. *The idea of happiness in the Russian mentality*. St. Petersburg: Aleteia, 2001, 53. (In Russ.)
6. Shneyder L. B. *Family: looking forward*. St. Petersburg: Piter, 2013, 368. (In Russ.)
7. Dokuchaeva S. O. The impact of parental family on matrimonial family formation in future generation. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2005, (3): 41–45. (In Russ.)
8. Druzhinin V. N. *Family psychology*, 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2006, 176. (In Russ.)
9. Layard R. *Happiness: Lessons from a New Science*. Moscow: Institut Gaidara, 2012, 203. (In Russ.)
10. Kukubayeva A. Kh., Kudryavtseva Y. A. Age and value orientations. *European researcher. Series A*, 2013, (3-1): 638–644.
11. Abulkhanova K. A. Russian mentality: cross-cultural and typological approaches. *Russian mentality: issues of psychological theory and practice*, eds. Abulkhanova K. A., Brushlinsky A. V., Volovikova M. I. Moscow: IP RAN, 1997, 7–37. (In Russ.)
12. Avdulova T. P. Trends in socialization of teenagers in the context of information preferences. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2011, (6). Available at: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011-n-620/573-avdulova20.html> (accessed 12.08.2019). (In Russ.)

13. Voroncova J., Ermolaev V. V. Conception of lithuanian seniors "generation Z" about their future family. *Psychologist*, 2016, (1): 1–12. (In Russ.) DOI: 10.7256/2409-8701.2016.1.16664
14. Trofimova Yu. V. General psychological approach to studying the family. *Siberian psychology today*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2003, iss. 2, 93–104. (In Russ.)
15. Namzhil T. *Family: modern issues*. Ulanbaatar, 2005, XI notebook. (In Mong.)
16. Oyunsuren J. Representation of Mongolian youth on family happiness. *Sotsiologi*, 2019, (12): 130–134. (In Mong.)
17. Oyuun-Erdene B. The Mongolian family structure is characterized by the style and nature of the relationship. *Proceedings of the Mongolian Academy of Sciences*, 2012, 52(3): 37–48. (In Mong.)
18. Karpova V. M., Filippova E. V. Perceptions of parental and own future family in adolescence and early adulthood. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2013, (4): 84–96. (In Russ.)
19. Malenova A. Yu., Samoylenkova A. V. Deas of the matrimonial relations of student's youth: social and psychological risks and resources. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2014, (1): 43–51. (In Russ.)
20. Moscovici S. Social views: a historical view. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1995, 16(1): 3–18. (In Russ.)
21. Moscovici S. Social views: a historical view. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1995, 16(2): 3–14. (In Russ.)
22. Moscovici S. On Social representations. *Social cognition: Perspectives on everyday understanding*, ed. Forgas H. J. L., 1981, 181–209.
23. *Social psychology. Practice*, ed. Folomeeva T. V. Moscow: Aspect Press, 2009, 80. (In Russ.)
24. Pakhomov A. P. The sentence completion test (Sacks & Levy) as a training manual. *Experimental Psychology (Russia)*, 2012, 5(4): 99–116. (In Russ.)